

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-537-545

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Интертекстуальные связи между романами «Козленок в молоке» Ю. Полякова и «Шутка Мецената» А. Аверченко

Цзиньхуа Хэ

*Московский государственный университет,
Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1*

✉ he.jinhua@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу преемственности романов «Шутка Мецената» А. Аверченко и «Козленок в молоке» Ю. Полякова. Целью статьи является объяснение аспектов, сближающих два произведения, а также раскрытие характеристик, отличающих Ю. Полякова от своего предшественника. Ставится задача прояснить традиции русской литературы и новаторства в романе «Козленок в молоке» Ю. Полякова. В статье автор рассматривает сходство двух произведений на сюжетном уровне, находит схожие художественные приемы и мотивы действий героев. Кроме того, в статье уделяется внимание галерее советских писателей, созданной Ю. Поляковым, а также важной роли исторического события – распада СССР – в жизни главных героев. В своем романе «Козленок в молоке» Ю. Поляков отражает позднесоветскую и постсоветскую жизнь в литературном круге. Внимание к общественным явлениям и развитию истории придает творчеству Ю. Полякова большое социальное и историческое значение. Можно сказать, что Ю. Поляков не просто заимствовал сюжет Аверченко, на этой основе он усовершенствовал оригинал и дал своеобразное толкование эпохе перемен с точки зрения литератора Советского Союза.

Ключевые слова: интертекстуальность, заимствование, «Козленок в молоке», «Шутка Мецената», Ю. Поляков, А. Аверченко

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 18 апреля 2021 г.; дата принятия к печати – 15 июня 2021 г.

Для цитирования: Хэ Цзиньхуа. Интертекстуальные связи между романами «Козленок в молоке» Ю. Полякова и «Шутка Мецената» А. Аверченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 537–545. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-537-545

Intertextual Connections between the Novels *The Goat in MILK* by Yu. Polyakov and *The Joke of the Patron* by A. Averchenko

Jinhua He

Moscow State University,
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
✉ he.jinhua@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the links between the novels *The Joke of the Patron* by A. Averchenko and *The Goat in Milk* by Yu. Polyakov. The purpose of the article is to explain the aspects that bring the two works together, as well as to reveal the characteristics that distinguish Yu. Polyakov from his predecessor. The task is to clarify the traditions of Russian literature and novelty in the novel *The Goat in Milk* by Yu. Polyakov. In the article, the author examines the similarity of the two works on the plot level, finds similar artistic techniques and motives for the actions of the characters. In addition, the article focuses on the gallery of Soviet writers created by Yu. Polyakov, as well as the important role of the historical event—the collapse of the USSR – in the life of the main characters. In his novel *The Goat in Milk*, Yu. Polyakov reflects the late Soviet and post-Soviet life in the literary circle. Attention to social phenomena and the development of history in the work of Yu. Polyakov is of great social and historical significance. We can say that Yu. Polyakov did not just borrow the plot of Averchenko, but on its basis he improved the original and gave a peculiar interpretation of the era of change from the point of view of the writer from the Soviet Union.

Keywords: intertextuality, borrowing, *The Goat in Milk*, *Joke of the Patron*, Yu. Polyakov, A. Averchenko

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received: April 18, 2021; accepted: June 15, 2021.

For citation: He, Jinhua. (2021). Intertextual connections between the Novels *The Goat in Milk* by Yu. Polyakov and *The Joke of the Patron* by A. Averchenko. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 537–545. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-537-545

Введение

А. Аверченко (1881–1925) – забытый сатирик начала XX века. «Шутка Мецената» – последняя работа Аверченко и одно из двух самых крупных его произведений. Этот юмористический роман написан в 1923 году в нынешнем Сопоте (Польша) и издан в Праге в 1925 году. Находясь в эмиграции, писатель иронически выразил свою ностальгию по беззаботной божемной жизни в дореволюционном Петербурге.

Ю. Поляков (родился в 1954 г.) является ярчайшим представителем современной русской литературы. Одним из главных произведений писателя

считается его роман-эпиграмма «Козленок в молоке», изданный в 1995 году и на сегодняшний день выдержавший более тридцати изданий. От первых трех «нашумевших» повестей автора «Козленок в молоке» отличается качественно и мировоззренчески. В нем писательское мастерство Полякова достигает своего апогея. Как отмечает О. Ярикова, в этом романе «Поляков выступил как настоящий лидер гротескного реализма» [1. С. 674].

В диссертации Н.Э. Ибадовой «Художественное время в прозе Ю.М. Полякова» анализ творческих характеристик романа-эпиграммы начинается с констатации того факта, что сюжет «Козленка в молоке» заимствован из юмористического романа А. Аверченко «Шутка Мецената». Действительно, у читателя создается впечатление, что сюжеты этих романов очень близки. В некоторых письмах, адресованных Ю. Полякову, читатели прямо писали, что сюжет «Козленка в молоке» не оригинален, а заимствован из романа А. Аверченко. Сам Ю. Поляков откровенно пишет на данную тему в своем эссе «Как я варил Козленка в молоке»: «Тут впору сослаться на пресловутую „интертекстуальность“, ее задолго до постмодернистов открыл русский народ, обмолвившись поговоркой: „Плоха песня, не похожая ни на какую другую песню“» [2. С. 366].

Объяснение Полякова соответствует определению интертекстуальности, данному Р. Бартом: «Каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [3. С. 207].

Сходство двух романов

Главная интертекстуальная связь заключена в сюжетах обоих романов. В «Шутке Мецената» Меценат и его клеветы, заедаемые скукой, решают забавы ради напечатать в журнале незрелые стихи провинциального юноши. Двое из клеветников пишут в печати заметки о появлении в Петербурге талантливой поэмы. Благодаря силе печатного слова молодой поэт быстро получает известность. У него берет интервью корреспондент «Вечерней Звезды». Крупный писатель лично приходит к нему для знакомства. Престижное издательство «Альбатрос» покупает его книгу для печати, а на работе героя повышают до должности редактора.

Аналогичный сюжет обнаруживается в «Козленке в молоке». Герой-повествователь, после большого количества выпитого пива, заключает пари с другом: за пару месяцев сделать первого встречного знаменитым писателем. Объектом их эксперимента оказывается полуграмотный Витёк, выгнанный из ПТУ за «двойки». Путь к известности складывается у Витьки следующим образом: сначала обходчик ЦДЛ Гера, чувствуя в Витьке потенциального соперника, привлекает внимание литературной общественности к самой Витькиной персоне, а затем критик Закусонский, не открыв ни единой

страницы романа, развёрнуто рассказывает о герое в обзорной статье престижной газеты. «Бабушка русской поэзии» Кипяткова приглашает Витьку в гости. Его «затаскивают» в прямой эфир на центральный канал телевидения, а после вручают известную американскую Бейкеровскую премию. При этом его ненаписанный роман «читают», «цитируют» и горячо обсуждают.

Обращение к гротескному сюжету сближает оба романа. В обоих произведениях герои с помощью прессы успешно поднимают на вершину известности провинциального человека, в котором на первый взгляд все видят наивного дурачка. Это объясняется общей особенностью двух эпох, когда литературная репутация пытается заместить собой собственно литературу и талант уступает место престижу. Актуальность этой проблемы сохраняется и в наше время.

Кроме сюжета романы роднит схожий мотив действий героев. В «Шутке Мецената» у Мотылька, одного из клеветников, имеется большой литературный талант, но он не может добиться известности. В отличие от других людей из своей группы, которые просто хотят пошутить и повеселиться, непризнанный и неопубликованный поэт Мотылек хочет прославить Куколку в прессе и короновать его в поэты из злобы. Он ждет, когда в журнале напечатают смешные строки Куколки «старушку в избушке, кругом трава» [4. С. 73], ждет, когда литературный круг посмеется над этими строками и издатели осознают себя глупцами, не разбирающимися в том, что такое по-настоящему талантливое произведение.

Подобным образом обстоят дела и у героя-повествователя «Козленка в молоке». Литератор-неудачник, он зарабатывает на приветствиях для пионерских команд и историях для шинного завода. Писательский билет он обретает благодаря отцу своей девушки, третьему лицу в союзе писателей. Сочинять у него получается лишь под воздействием эликсира «Амораловка». Сделав из необразованного человека знаменитого писателя, герой-повествователь сможет доказать всему миру, что он в силах создать нечто важное: «Впервые в бездарной моей жизни я буду не бумагомарателем, сочиняющим полумертвых героев, а вседержителем, придумывающим живых людей» [5. С. 66].

И Мотылек из «Шутки Мецената», и центральный герой из «Козленка в молоке» стремятся доказать, что существующая система писательских репутаций не вполне адекватно отражает реальный вклад художника в литературу. Зная правила литературного круга и имея связи, можно сделать известным самого бездарного человека.

Кроме сюжета и мотива два произведения сближает еще и творческий прием: прототипами героев выступают люди из реальной жизни.

В статье «К проблеме жанрового своеобразия романа А.Т. Аверченко “Шутка Мецената”» В. Миленко указывает на то, что герой по имени Телохранитель наследует мускулы и одежду поэта П.П. Потемкина, а способность придумывать забавные истории заимствует у сатириконеца А.А. Радакова или у А.С. Рославлева; страсть к шахматам у Кузи заимствована у П. Потемкина,

а само прозвище Кузи намекает на поэта М.А. Кузмина; морщины и излюбленное словечко Мотылька принадлежат А.С. Грину; образу Мецената присвоены писателем свои собственные черты, а также привычки тогдашнего петербургского покровителя литераторов Б.Н. Башкирова и внешний вид И.А. Крылова; в образе Куколки воплощаются черты С.А. Есенина.

Подобный творческий прием замечен и в произведении Полякова. После публикации романа у читателей возник вопрос – какие реальные литераторы прячутся под фамилиями персонажей? При этом самому писателю не нравится, когда читатели сравнивают его персонажей с образами реальных людей. Чтобы избежать недоразумений, Поляков специально придумывает имена, которые не напоминают о деятелях позднесоветского литературного круга. Например, писатель называет менестреля-шестидесятника Перелыгиным вместо Пыльношлемова, который сразу отсылает вдумчивых читателей к строчкам Булата Окуджавы «комиссары в пыльных шлемах». Такое опасение не выглядит излишним, ведь Перелыгин, так же как и Окуджава, исполняет стихи под музыкальный инструмент. В своей диссертации Н.Э. Ибадова тоже касается проблемы прототипов: «У Костожогова был реальный прототип – поэт Владимир Николаевич Соколов» [6. С. 69]. По свидетельству самого писателя, прототипом Ольги Эммануэловны Кипятковой послужила известная поэтесса Екатерина Шевелева и другая неназванная литературная львица того времени, а прототипами Медноструева и Ирискина частично служат писатели-фронтовики Григорий Бакланов и Юрий Бондарев. Как замечает Поляков, в романе «Козленок в молоке» он исповедует принцип «придуманной правды» [2. С. 348], то есть его герои настолько «живые», что часто напоминают реальных литераторов.

Достаточно нескольких примеров, чтобы понять, что Ю. Поляков, создавая художественные образы, так же как и А. Аверченко, черпает черты внешности и характера разных коллег из литературного круга. Такой прием увеличивает иллюзию реальности в абсурдной сфере, вызывает читательский интерес.

В романе «Шутка Мецената», как юмористическом произведении начала XX века, удается создать комический, даже абсурдный эффект. Нельзя отрицать, что Поляков продолжает абсурдный стиль Аверченко. Воздействие «Шутки Мецената» на «Козленка в молоке» также обуславливается внутренней близостью и созвучием творческих замыслов. Оба писателя выражают свое саркастическое отношение к несправедливой оценочной системе.

Социальное и историческое значение романа «Козленок в молоке»

А. Бушмин в работе «Методологические вопросы литературоведческих исследований» указывает на то, что своим односторонним и поверхностным усвоением эпигоны мельчат и опошляют высокие образцы литературы, а некоторые произведения, построенные на заимствовании, могут даже превос-

ходить исходный образец. «Таковы, например, произведения Пушкина, написанные в духе свободного, творческого подражания другим поэтам, или его сказки на народно-поэтические сюжеты» [7. С. 179]. Как Пушкин прославляет народные сказки, так и Поляков совершенствует оригинал и дает новое идейно-художественное толкование в позднесоветское время.

Обращаясь к роману своего предшественника, Поляков продвинулся на шаг вперед, усилив абсурдность ситуации.

В романе «Шутка Мецената» молодой провинциальный юноша не только миловиден, но вежлив и талантлив: «Это был застенчивый юноша, белокурый, голубоглазый, как херувим, с пухлыми розовыми губами и нежными шелковистыми усиками, чуть-чуть видневшимися над верхней губой» [4. С. 22]. Именно за милую внешность ему дали прозвище «Куколка». Доказательством хороших манер Куколки служит то, что он всегда вежливо благодарит группу Мецената за помощь и хорошее отношение к нему, хотя их чувства совсем не искренни, а также то, что он быстро заводит дружбу с редактором, с которым не дружен Мотылек. Группа Мецената воспринимает Куколку как объект для затей, подсмеивается над его стихотроками «старушка в избушке верхом на пушке». В миловидности и хорошем поведении Куколки прячется намёк на дальнейший успех в издании книги. В конце романа открывается правда, что несовершенное стихотворение, над которым подсмеивается группа Мецената, было написано Куколкой в шестнадцать лет, а на самом деле у него есть талантливые стихотворения для публикации. Благодаря спрятанной подсказке такой финал не сильно удивляет читателей, а образы Мецената и его клеветников, которые задумывают авантюру, но проигрывают объекту издевательства по всем позициям, оказываются очень успешными.

По сравнению с романом Аверченко, ирония произведения Полякова оказывается более жестокой. Главный герой из романа Полякова – здоровенный, кудрявый и конопатый парень, неаккуратно одетый, робкий, к которому все почему-то обращаются только по имени Витёк. В отличие от Куколки, Витёк, робкий и запинаящийся, не знает, как надобно вести себя в ЦДЛ. Письма полуграмотного Витька написаны с такими ошибками, что это смущает всю редакцию. Чтобы необразованный Витёк мог свободно общаться с товарищами по перу, герой-повествователь составляет дюжину фраз, вбирающих «в себя весь культурологический космос и культурный хаос» [5. С. 74]. Этими фразами и подсказками от своего закулисного зачинщика Витёк и пользуется. Название его романа «В чашу» придумывает сам герой-повествователь. Тем временем сам роман был просто связкой чистых листов. В отличие от Куколки, который является гением в настоящем смысле этого слова, Витёк – настоящий дурак. Кроме того, Витька одевают в крикливую одежду и вооружают кубиком Рубика.

В своем романе Поляков создал абсурдную комбинацию марионетки и манипулятора. «Начинающий гений» русской литературы был самой настоящей продукцией медиа-завода. Эффект абсурда усиливается.

Со временем литература зреет и развивается. «Шутка Мецената» – юмористический роман. Его название откровенно демонстрирует комедийность. Сюжетная коллизия романа направлена на то, что Меценат и его клеветы дурачат провинциального юношу просто от скуки. Когда они собираются вместе, главное развлечение для них – издеваться друг над другом или рассказывать смешные, абсурдные рассказы. Н. Карпов отмечает, что «история о Меценате и его друзьях – это во многом роман-игра, где автор не ставит никаких серьезных задач, кроме собственно литературных, мастерски реализуя возможности комического повествования» [8. С. 187].

«Козленок в молоке» написан Поляковым спустя 80 лет после публикации «Шутки Мецената». В сравнении с «Шуткой Мецената» «Козленок в молоке» является более серьезным художественным произведением. В романе-эпиграмме автор создает выразительные образы писателей и рассказывает о больших переменах в обществе в позднесоветскую и постсоветскую эпоху. Вот как сам писатель излагает причину популярности романа: «...скажу, что читателям сразу понравился мой веселый роман, ведь он словно с помощью увеличительного стекла дал возможность увидеть нравы писательской тусовки и околосредового круга, которые со сменой эпох совершенно не изменились» [2. С. 361].

В романе «Шутка Мецената» действуют 9 главных фигур: Меценат и его клеветы (Мотылек, Кузя, Телохранитель), Куколка, жена Мецената, красавица по прозвищу Яблонька и няня Мецената. Все они тесно связаны с развитием сюжета. Другие фигуры из литературного круга отсутствуют.

С точки зрения изобилия и разнообразия персонажей Поляков превосходит Аверченко. Можно сказать, что в своих произведениях Поляков создает «галерею советских писателей». В «Козленке в молоке», кроме героев, связанных с развитием сюжета, изображаются 10 писательских образов. Например, критик Закусонский, хорошо знающий правила достижения своих целей в писательском кругу, предлагает знакомым использовать квартиру героя-повествователя для развлечений с дамами, а в качестве компенсации Закусонский поможет издать его книгу. Чурменяев, жаждущий известности, хитрым способом вызывает внимание у западной прессы. Не получив Американскую премию, он выкапывает из могилы останки своего рубаки-деда и торжественно сжигает их, чтобы продемонстрировать всему миру окончательный разрыв с тоталитарным прошлым своего рода. Кипяткова, так называемая «бабушка русской поэзии», имеет хорошие связи в правительстве. Несмотря на возраст, она сохраняет интерес к молодым людям. Литературная семья Свиридоновых: отец сочиняет романы, жена пишет на них восторженные рецензии, сын инсценирует, дочь переводит на иностранные языки. Они прославятся лишь тогда, когда сожгут партбилет на глазах у западных журналистов. Писатель Гуськов, потеряв писательский билет, притворяется своим собственным шофером, чтобы проходить в ЦДЛ. Известный антисемит Медноструев и еврейский писатель Ирискин презирают и

упрекают друг друга. Первый является автором исследования «Тьма. Евреи против России», второй – «Темнота. Россия против евреев». В конце концов они неожиданно сходятся на евразийской идее и начинают «дружить тюрьмами». Поэт Неонилин после избития водителем такси не может писать в рифму и переходит к верлибру. В партийной периодике его осуждают за разрыв с классической традицией, а Эдинбургский университет присуждает ему премию и объявляет его лидером советского верлибра. С тех пор он часто ездит за границу. Менестрель-шестидесятник Перелыгин, исполнявший свои баллады под виолончель, снискивает уважение тем, что выбегает из зала, где Хрущев заседает с советской творческой интеллигенцией. Костожогов – единственный писатель в романе, которому удается бороться за свою мечту. Он был знаменитым, богатым и плодовитым, однако, чувствуя свое бессилие в литературной и общественно-политической обстановке, уезжает в Подмосковье работать учителем в сельской школе.

В «Шутке Мецената» не указано какое-либо определенное время действия, а также не отражено никаких исторических событий или перемен в общественной жизни. Подобная история могла произойти и в XIX веке, и в начале XX века.

В «Козленке в молоке» важным событием является распад СССР. При изменении государственного строя полуграмотный Витя и его жена, бывшая официантка ЦДЛ, неожиданным образом становятся хозяевами жизни – благодаря наследованию бабушкиной недвижимости. А обходчик Гера, став руководителем, занимает знаменитый стол “с саркофагом” в горынинском кабинете. В изменении их судеб отражаются колоссальные перемены общества.

Заключение

М. Голубков в статье «Убийственная ирония: почему Поляков так жесток» указывает на один из путей интерпретации сатиры писателя: «весело смеяться с автором, смахивая вместе с ним невидимые миру слезы...» [9. С. 104]. «Смех сквозь слезы» – это точное обобщение особенностей сатиры Ю. Полякова, которая отличает «Козленка в молоке» от «Шутки Мецената». От Аверченко Поляков наследует традицию гротеска и абсурда. Однако, кроме комедийности, в «Козленке в молоке» присутствуют серьезные социальные проблемы и философские размышления, изображается жизнь на перемени эпох. Это придает роману историческое и социальное значение.

Библиографический список

- [1] Ярикова О.И. Юрий Поляков: Последний советский писатель. М.: Молодая гвардия, 2017.
- [2] Поляков Ю.М. Как я варил «Козленка в молоке» // Красный телефон. М.: Издательство АСТ, 2019.

- [3] Дранов А.В. и др. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник. М.: Интрада, 1999.
- [4] Аверченко А.Т. Шутка Мецената. М.: ИЗВЕСТИЯ, 1990.
- [5] Поляков Ю.М. Козленок в молоке // Красный телефон. М.: Издательство АСТ, 2019.
- [6] Ибадова Н.Э. Художественное время в прозе Ю.М. Полякова: дис. ...канд. филос. наук. М., 2020.
- [7] Бушмин А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований: Ленинград: Наука, 1969.
- [8] Карпов Н.А. Интертекстуальность в романе А. Аверченко «Шутка мецената» // Интертекстуальный анализ: принципы и границы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.
- [9] Голубков М.М. Убийственная ирония: почему Поляков так жесток? // Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие преключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: Издательство АСТ, 2020.

References

- [1] Yarikova, O.I. (2017). *Yuri Polyakov: The Last Soviet Writer*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ.
- [2] Polyakov, Yu.M. (2019). How I cooked *A goat in milk*. In *Red telephone*. Moscow: AST Publishing House.
- [3] Dranov, A.V. et al. (1999). *Modern foreign literary studies (countries of Western Europe and the USA): concepts, schools, terms. Encyclopedic reference*. Moscow: Intrada Publ.
- [4] Averchenko, A.T. (1990). *The Joke of the Patron*. Moscow: IZVESTIYA Publ.
- [5] Polyakov, Yu. M. (2019). The goat in milke. In *Red telephone*. Moscow: AST Publishing House.
- [6] Ibadova, N.E. (2020). *Art time in prose by Yu. M. Polyakov*. (Dissertation of the Candidate of the Philosophical Sciences). Moscow.
- [7] Bushmin, A.S. (1969). *Methodological issues of literary studies*. Leningrad: Nauka Publ.
- [8] Karpov, N.A. (2018). Intertextuality in the novel by A. Averchenko *The Joke of the Patron*. In *Intertextual analysis: Principles and Boundaries*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press.
- [9] Golubkov, M.M. (2020). Murderous irony: why is Polyakov so cruel? In *Yuri Polyakov: context, subtext, intertext, and other text inclusions. Scientists (and not so much) notes of one seminar*. Moscow: AST Publishing House.

Сведения об авторе:

Хэ Цзиньхуа, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, МГУ. ORCID: 0000-0001-7565-906X; e-mail: he.jinhua@yandex.ru

Bio note:

Jinhua He, Postgraduate Student of the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, MSU. ORCID: 0000-0001-7565-906X; e-mail: he.jinhua@yandex.ru